

Лидия Чарская

**Лидия Чарская. Том 12
Большой Джон**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ч-22

Чарская Л.
Ч-22 Лидия Чарская. Том 12 Большой Джон / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 116 с.

ISBN 978-5-458-04374-8

Причудливые, полные интриг приключения героев повестей Чарской переплетаются с их высокими, благородными чувствами и поступками. В том мире, который создала Лидия Чарская, негодяям и мерзавцам не удастся взять верх над светлыми, честными, чистыми душами. Ее герои такие, какими в основном наверняка хотелось бы стать и тебе: чтобы, несмотря на препятствия, все удавалось, чтобы тебя любили хорошие люди, а твоя душа отзывалась на эту любовь, бескорыстно и преданно.

ISBN 978-5-458-04374-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Чарская
Полное собрание сочинений
Том 12

Для детей среднего и старшего возраста
С рисунками

Большой Джон

Глава 1

Рассказ Лотоса. — На молитве. — Паника. Человек в плаще

"...За окном сада зловеще зашелестели черные крылья. Что-то ярко блеснуло в темноте. К аромату роз и лотосов, раскрывших свои пахучие чашечки, присоединился теперь чуть заметный, но страшный запах тления. Луна пугливо скрылась за облаками. Окно широко раскрылось, и Черный Принц, подобный огромной птице, влетел в комнату. Он направился прямо к колыбели ребенка... Цепкими руками вампир отдернул нарядный полог люльки, наклонился над вскрикнувшим от ужаса младенцем, кровожадно приник к сердцу мальчика и стал пить каплю за каплей его кровь..."

— Ужасно!.. — прервала рассказчицу маленькая, толстенная Даурская и нервно одернула белую пелеринку на груди.

— Молчи, Додошка!.. Мешаешь слушать... Рассказывай, что было дальше, Елочка... Ах, душка, что за прелесть!.. Откуда ты вычитала все это?...

Смуглая, полная и рослая девушка лет семнадцати, с вьющимися черными, как у негритянки, волосами, Зина Бухарина, смотрела на рассказчицу вопрошающе.

— Чудно, дивно, божественно!.. Да тут с ума сойти можно от всей этой таинственности!.. — загалдели сидевшие за столом институтки и плотнее придвинулись к рассказчице, забыв о кружках чая, стывших перед ними.

Высокая, бледная Елецкая, с прозрачно-зелеными глазами, похожими на загадочные глаза русалки, и с пышными черными волосами, венчающими головку, раскрыла было рот, чтобы продолжать свое повествование, как неожиданно Даурская сказала:

— Поистине ужасно, mesdam'очки!.. Ведь Черный Принц ест таким образом уже восьмисотого ребенка!.. — и, с широко раскрытыми от ужаса глазами, она обернулась к своей соседке по столу и произнесла сладко:

— Послушай, Рант. Я вижу, ты не ешь твою булку... дай мне, пожалуйста.

— Даурская, противная!..

— Не мешай слушать!..

— Весь мир готова из-за булки забыть!..

— Несносная Додошка!.. — возмутились ее подруги.

— Оставьте ее, mesdames! Додошка хочет отъестся к ночи... Она очень худая, бедняжка, и Черному Принцу, — а он наверное прилетит к ней сегодня, чтобы съесть ее, как тех злосчастных восьмисот младенцев, — достанутся одни только кости... Дай же ей твою булку, Рант. Ведь и гусей тоже откармливают перед тем, как подавать их к столу...

Тоненькая, со смелым лицом веселого мальчугана, с короткими кудрями, девочка, казавшаяся много моложе своих семнадцати лет, обратила задорные серые глаза к Додошке.

— Да вы с ума сошли, Воронская!.. Mesdam'очки, скажите ей, что она сошла с ума!.. Как она смеет называть меня гусем и пугать Черным Принцем! — с

визгом подскочила Додошка.

— Даурская... Taisez vous (Молчите). Вы не умеете себя вести, как подобает приличной барышне, — услышали в тот же миг девочки недовольный голос, и m-lle Эллис, классная дама, в синем форменном платье, неожиданно предстала перед своими питомцами.

Она скользнула недовольным взглядом по лицу покрасневшей Додошки и тотчас же захлопала в ладоши, повышая голос:

— На молитву, mesdames!.. На молитву!..

Зашумели отодвинутые скамейки, зашелестели зеленые камлотовые платья, и двести семьдесят пять девочек-институток, маленьких и больших, чинно выстроились на молитву.

На середину столовой, в которой были собраны к чаю все девять классов, включая и два старших педагогических отделения «курсисток», как их называли в институте, — вышли две девочки из группы выпускных, с Евангелием и молитвословом в руках. Одна из них — маленькая, плотная, с вызывающим, почти дерзким лицом, белокурая, розовая, с необычайно добрыми, честными, голубыми глазами; другая — несколько повыше ростом, стройная, с восточным типом лица, с глубоким и печальным взором, с лицом тонким, бледным и прекрасным, напоминающим южный цветок. Первую, Симу Эльскую, за вечные шалости и мальчишеские выходки прозвали «Волькой», от слова «воля» — свобода, которую усердно рекомендовала всем эта необузданно-смелая и шаловливая девочка, приводившая в неописуемое волнение своих классных дам. Другую, с газельим взором, по прозвищу «Черкешенка», звали Еленой Гордской. Она родилась и выросла в Тифлисе и бредила высокими горами и тихими долинами прекрасного Кавказа, хотя не имела ничего общего ни с татарами Дагестана, ни с жителями тихой и печальной Грузии...

Обе девочки медленно вышли на середину огромной столовой, остановились под газовыми рожками, спускавшимися на длинных шестах сверху и освещавшими комнату, и поочередно стали читать молитвы и главу из Евангелия. Институтки притихли. Зеленоглазая Елецкая, или «Елочка», только что рассказывавшая за столом про Черного Принца, молилась тоже, или, вернее, не молилась, а думала о том, как красиво и просто звучали слова Евангелия, как прекрасна была вера Елисаветы, к которой пришла Мать Господа, как хорошо и чисто, должно быть, пахли иерусалимские розы и как дивен был мир в те далекие времена...

Неожиданно сладкие мечты Елецкой, «Лотоса», как ее прозвали подруги за необычайную нежность и почти прозрачную белизну лица, прервались. Чья-то тонкая рука легла на ее пальцы и сжала их.

— Слушай, Лотос, наклони голову, а то «синявка» увидит... Так... А теперь слушай: откуда ты знаешь всю эту нелепую историю про Черного Принца? Скажи мне, пожалуйста, — насмешливо голосом спрашивала стоявшая рядом с Лотосом на молитве Лидия Воронская.

— Бессовестно и глупо смеяться, Воронская, над тем, чего сама не понимаешь, — досадливо отвечала Елецкая. — История Черного Принца далеко не выдумка. Это было истинная правда. Ее рассказывали духи, тени умерших людей, одной женщине, и она записала все это дословно... Об этом есть даже целая книга... Черный Принц существовал на свете, потом умер и прилетал в виде птицы с того света пить кровь детей и молодых девушек... Клянусь тебе, что это

была правда.

— А я тебе клянусь, что все это чушь! — вспыхливо вскрикнула Воронская, совершенно позабыв о том, что она стоит на молитве, и нетерпеливо топнула ногой.

— Воронская... Vous serez inscrite! (Воронская, вы будете записаны) — прозвучал голос неожиданно вынырнувшей откуда-то m-lle Эллис.

Подтверждая свою угрозу, классная дама извлекла из кармана штрафную книжечку, куда заносились фамилии провинившихся воспитанниц, и четко вывела на ее маленькой страничке фамилию Воронской.

— Ах, пускай записывает сколько влезет! — досадливо махнув рукой, проворчала Лида, — но ты-то должна по крайней мере сознаться, Елочка, что все это чепуха, — снова обратилась она к Елецкой.

— Воронская! — прозвучал негодующий голос синей дамы, и новая заметка водворилась против имени Лиды в "штрафной".

Воронская на мгновение умолкла, потом по-мальчишески тряхнула короткими волосами и вновь зашептала чуть не в самое ухо своей соседке:

— Ты пойми, Лотос... Ты пойми... Я не верю, я не могу верить... Мертвые никогда не возвращаются с того света... Все это чушь и глупости одни... Уверю тебя, Елочка, уверю тебя...

Она хотела прибавить еще что-то для убедительности, но мгновенно смолкла и подалась назад.

Перед ней было перекошенное от гнева лицо Лотоса.

— Ага!.. Ты не веришь!.. Ага!.. — каким-то свистящим шепотом произнесла Елецкая. — Так вот что: приходи сегодня в полночь в умывальню... Весь наш кружок "таинственной лиги" будет на сеансе, устраиваемом в честь Черного Принца... Мы будем вызывать духа Гаруна-аль-Рашида, а может быть, его, Черного Принца... Приходи!.. Слышишь? Ровно в двенадцать мы начнем наш сеанс...

Разговор Воронской и Елецкой был прерван резким окликом классной дамы.

— Молчать!.. Не шептаться, Елецкая!.. Taisez vous!..

Обе девочки поспешно отвернулись одна от другой.

Молитва окончилась.

Снова загремели скамейки, зашелестели зеленые платья, и двести семьдесят пять воспитанниц, в возрасте от девяти до восемнадцати лет, спешно выстроившись в пары, стали чинно подниматься в верхний этаж, где их ждали жесткие казенные постели и ночной отдых до следующего утра.

Лида Воронская шла в паре с Верой Дебицкой, веселой черноглазой девочкой, первой ученицей класса. За ними чинно выступали красавица Черкешенка и бледная Елочка. Потом шла Мара Масальская, хохлушка из-под Киева, с румяным лицом, со вздернутым неправильным носом и темными блестящими глазами, как черешни из ее родимых вишневых садов. С нею об руку шла не по годам умная, серьезная Женя Бутусина, «профессорша», девочка редкой честности и неподкупности убеждений.

M-lle Эллис, французская дама, полненькая, добродушная, но очень вспыхивающая особа, с черепаховым пенсне на носу, вела класс. По обе ее стороны шли миниатюрные Пантарова и Додошка. Замыкали длинную шеренгу, разбитую на двадцать пар старшего класса, высокие Зина Бухарина с типичным южным лицом

креолки, за которое она и носила это прозвище, и степенная Старжевская, отличная ученица и лучшая музыкантша-пианистка из всего первого класса.

Младшие отделения давно покинули столовую, а за ними вступили в длинный нижний коридор и старшие, выпускные.

Лида Воронская шла, низко опустив голову. Обычно веселые глаза девочки теперь рассеянно скользили по ровным квадратикам паркета.

Мысли Лиды были поглощены предстоящим «сеансом» в умывальной. Она хорошо знала, что Лотос, Бухарина, Макарова, Гордская, Дебицкая и сестрички Пантаровы тайком от других институток устраивают по ночам какие-то секретные заседания, или, как они сами выражались, "занимаются спиритизмом". Лида знала, что спиритизм — это целое учение о таинственной силе, которая дает возможность вызывать души людей, давно умерших, даже за многие сотни и тысячи лет, и разговаривать с ними, заставляя их отвечать на разные вопросы. Она также слышала и то, что для вызова духа с того света поклонники спиритизма — «спириты» и «спиритки» — прибегают к довольно странному способу: они садятся за стол в полутемной комнате и, положив на край стола руки, ждут в глубоком молчании, когда стол начнет стучать ножками, ходить по комнате, вертеться. Слышала Лида и о тех, якобы одаренных особенной духовной силой людях, «медиумах», которые служат посредниками между тенями умерших людей и вызывающими их спиритами.

В то время спиритизм вообще был в большой моде. В великосветских гостиных ему посвящали много времени, спорили о нем, говорили, писали, причем одни увлекались им, другие считали обманом. Это модное развлечение проникло и в стены института, где вскружило многие юные взбалмошные головки.

Лида не верила в спиритизм, не верила в возможность какого-то бы ни было общения людей с духами при посредстве вертящихся столиков и медиумов. Она смеялась от души, когда узнала, что некоторые из ее подруг поддались модному способу времяпрепровождения и стали устраивать в институтской умывальной свои сеансы, образовав особый кружок под названием "Кружок таинственной лиги". Еще больше смешило Лиду, что Елецкая, «Лотос», она же, по другому прозвищу, "Пушкинская Татьяна", она же «Елочка» — по третьему, была единогласно в кружке признана «медиумом», способным вызывать духов для переговоров, и орудует вовсю на этом поприще.

Лида давно жаждала получить приглашение в странный кружок. Ее всегда забавляли таинственные спиритки. Однако последние остерегались приглашать Воронскую, боясь недоверия и насмешек с ее стороны. Остерегались до последнего дня, но вот сегодня ее, наконец, позвали.

Лида торжествовала. Ее любопытство было крайне раздражено. Веселой, с трезвыми взглядами на жизнь, девочке казались странными, нелепыми и смешными все эти басни о духах, являвшихся по первому зову какой-то маленькой институтки, вроде Елецкой, и подобных ей. И она была убеждена, что достаточно будет хоть раз побывать ей на, «сеансе», чтобы убедиться, что это чушь и выдумки.

Она и сейчас думала об этом, шагая по длинному коридору в этот поздний вечерний час. Неожиданно на ее плечо легла рука Креолки.

— Лида, Вороненок, ты послушай, что она говорит, — зашептала Бухарина, тараша и без того огромные глаза в сторону Елецкой, — ты послушай только, что

она говорит, Вороненок, милый...

— Что, что такое? — неожиданно пискнула вынырнувшая перед ними Додошка, — что она говорит, Зиночка?... Скажи, скажи...

— Ах, душка, опять о Черном Принце!.. Слушайте только...

И Креолка, всплеснув руками, беспомощно сложила их на груди.

— Говори, Лотосенька, говори, Елочка!.. Ах!.. — просила Рант, чахоточная девочка, с багровыми пятнами румянца на щеках и с милыми, необычайно живыми глазами.

Елецкая не заставила себя просить. Ее несколько безумный взор расширился, зеленый русалочий огонь загорелся в нем. Лицо, бледное, без кровинки, вдохновенно просияло, и она проговорила глухо, в экстазе, разом охватившем ее:

— Я верю, что он, Черный Принц, есть, был и будет... Что там, где знают его, говорят о нем, там он и пребывает... Я точно слышу шорох его огромных крыльев за спиною, когда он летает, и его легкие шаги, когда он ходит здесь по земле. И я чувствую еще, что он явится сюда к нам, в этот темный коридор, не сегодня завтра, когда все улягутся спать, когда потухнут огни и... и...

— И будет пить нашу кровь и кушать наше сердце... Право, вы должны сознаться, что у Черного Принца довольно странный аппетит, — послышался насмешливый голос Воронской.

На нее зашикали, затопали.

— Опять насмешки, Воронская!.. Не принимать ее в кружок, медапочки, не принимать ни за что на свете! — послышались негодующие голоса.

— Он тут! Спасайтесь!

— Глупышки вы этикие, несут всякую чушь, а сами трясутся... — рассмеялась Лида.

— И все-то ты врешь, никто не боится, — трусливо озираясь, шепнула Додошка. — Ни одна душа, ясно, как шоколад... Чего тут бояться?

Воспитанницы миновали длинный коридор и вошли на темную площадку лестницы, где внезапно потух газовый рожок и воцарилась полутьма.

— Ничего я не боюсь, — расхрабрилась Додошка. Ее руки судорожно потирали одна другую, а взор продолжал пугливо бегать по сторонам.

— Уж будто?... — сощурилась Воронская.

— Тише же, медапочки, дайте Лотосу говорить, — зашикала Бухарина, и ближайшие пары снова повернули головы в сторону бледной девочки с русалочьим взглядом.

— Да, mesdames, я чувствую, что он придет скоро, — своим глухим, надтреснутым голосом снова заговорила Елецкая. — Он войдет через швейцарскую, прорвется за стеклянную дверь, вихрем промчится через площадку и лестницу, и... и появится там, на том конце коридора, — заключила она и, протянув вперед бледные руки, замерла, тараща свои и без того огромные глаза.

— А!.. а-а-а!!! — диким, пронзительным криком вырвалось у воспитанниц.

— Черный Принц уже здесь!.. Здесь!.. — взвизгнула Додошка и, закрыв лицо передником, спотыкаясь и путаясь в длинном камлотовом платье, с тем же пронзительным визгом бросилась опрометью по лестнице, прыгая через несколько ступеней раз.

Как стая испуганных птиц, шарахнулись за нею и остальные. Не помня себя,

— On the Cathedral —

с диким истерическим криком, институтки метнулись вперед, толкая и сбивая с ног друг друга.

Паника старших заразила младших, которые уже успели добраться до верхнего этажа. Крик повторился на верху лестницы, пронзительный, гулкий. Кричали маленькие, кричали средние, кричали большие, кричали классные дамы, стараясь во что бы то ни стало водворить порядок и успокоить мечущихся в страхе детей.

— Он тут!.. Он тут!.. Он идет сюда! Спасайтесь, mesdames! Спасайтесь! — неистовствовала Додошка, цепляясь своими пухлыми руками за передники бегущих подруг.

— Вот он!.. Вот он!..

Несущаяся, как стрела, Елецкая разом остановилась и, тяжело переводя дух, протянула вперед руку.

— Вот он!.. — в диком экстазе вскричала она. Бегущие девочки замерли на минуту, столпившись испуганным стадом овечек на средней площадке лестницы. И новый отчаянный вопль потряс стены здания и гулким пронзительным эхом повторился там наверху визгливыми голосами малышей.

В дальнем конце коридора, где белела стеклянная лазаретная дверь и где рядом находилась квартира начальницы, появилась высокая, худая фигура человека в черном,двигающаяся вперед стремительным шагом, прямо навстречу перепуганным выпускным...

* * *

Черный Принц... Неужели это он?...

Мысленно задав себе этот вопрос, Лида Воронская не ощутила ни малейшего страха. Одно лишь жгучее любопытство разбирало девушку.

Мимо нее только что с диким воплем пронеслась последняя пара одноклассниц, и на нижней темной площадке теперь оставалась только она, если не считать высокого человека в черном плаще, быстро приближавшегося к ней по коридору.

Человек сделал еще несколько шагов по направлению приютившейся у подножия лестницы девочки и теперь уже был близко от нее.

Что-то екнуло в сердце сероглазой Лиды, не то испуг, не то смятение. На площадке было темно и пустынно.

Швейцар Петр, или «кардинал», как его называли институтки за пурпуровую ливрею, вышел подышать весенним мартовским воздухом, и девочка оказалась наедине с высоким человеком в черном плаще.

"Неужели Черный Принц не выдумки?", — вихрем пронеслось в мыслях Лиды.

Но смятение недолго гостило в ее впечатлительной, но далеко не трусливой душе. Не терпя еще с детства ничего недоговоренного, неясного, девочка и теперь сторала от желания выяснить как можно скорее появление таинственного незнакомца в нижнем коридоре института.

И прежде чем высокий человек успел сам приблизиться к ней, Лида Воронская быстро шагнула ему навстречу и крикнула звонко:

— Кто вы такой?... И зачем вы пришли сюда?...

— Маленькая русалочка, стыдно забывать старых друзей! — послышался веселый отклик, и быстрым движением высокий человек сорвал широкополую

фетровую шляпу с головы и темный плащ, окутывавший его.

Перед Лидой мелькнули богатырские плечи, длинная шея и почти детская по размеру голова с пронизательными и острыми глазами ястреба и прямым носом. Человек улыбнулся.

— Большой Джон!.. Ах, это вы! — радостно вырвалось из груди Лиды, и охваченная приступом необузданного детского восторга встречи она запрыгала на месте и захлопала в ладоши, как самая маленькая девочка.

Молодой человек с ласковой улыбкой посмотрел на нее и рассмеялся.

— Милый Большой Джон!.. Вы мало переменились, милый, хороший Большой Джон, за эти четыре года!.. Представьте себе, наши глупые девочки приняли вас за Черного Принца!.. Да, за Черного Принца! — говорила Лида, блестя разгоревшимися, счастливыми глазами.

— Ого! За Черного Принца!.. Да это совсем нечто новое и интересное... Вы мне, конечно, потом объясните, кто такой Черный Принц, маленькая русалочка. А теперь покажитесь-ка, дайте взглянуть на вас, — беря за обе руки свою собеседницу, говорил неожиданный гость.

С минуту он созерцал девочку молча, ласковыми, но острыми глазами, потом снова заговорил, произнося слова с чуть заметным иностранным акцентом:

— О, как же мы выросли за эти четыре года! Совсем стали взрослою барышней! А только где же ваши длинные косы, маленькая русалочка?

— Их срезали во время scarlatины, Большой Джон. Но не в этом дело... Рассказывайте, откуда вы появились сейчас, — радостно расспрашивала Лида.

— Позвольте же мне пройти сперва в приемную, русалочка... Право, болтать в приемной куда удобнее, нежели здесь, на лестнице, — рассмеялся Большой Джон беспечно и тут же прибавил:

— Я уже побывал у вашей баронессы-начальницы, и она разрешила мне повидаться полчаса с вами... разумеется, после того как я сообщил ей, что с вечерним экспрессом приехал из Лондона и сегодня же ночью еду снова домой, в Шлиссельбург.

— Как?... Вы уезжаете сегодня, Большой Джон? — испуганно спросила Лида.

— О, нет! Это была только военная хитрость, маленькая русалочка, невинная лож вашего большого друга, для того, чтобы повидать вас сегодня же, — снова рассмеялся молодой человек. — Ведь иначе ваша директриса не разрешила бы мне повидать вас сегодня... А мне так хотелось вас повидать!.. Но я останусь в Петербурге до завтра и завтра еще раз побываю у вас.

— Ах! — радостно вырвалось из груди Лиды, и она крепко сжала руку своего собеседника.

Они прошли в небольшую комнату с зеленою мебелью по стенам, с высоким трюмо в простенке между окон, с изображениями лиц императорского царствующего дома — огромными портретами во всю вышину стен.

— Ну, вот, садитесь здесь и рассказывайте! — командовала Лида, усаживая своего гостя в удобное мягкое кресло у окна. — Где вы были, Большой Джон?... Что вы видели?... Как путешествовали все эти четыре года?... Рассказывайте же, рассказывайте скорей!

— О, это слишком долго рассказывать, маленькая русалочка, — запротестовал ее гость с добродушной улыбкой. — Когда вы окончите курс и приедете весной